

ределяли по обедням, вечерам и заутреням. Возможно, что никаких механизмов для точного определения времени в эпоху Дмитрия Донского не существовало, и конкретные события не воспринимались буквально, а соотносились с промыслом Божиим. В Иргизском списке читаем: когда «*приспе же час осмый*» и «*абие*» (т.е. тотчас) «*дух южны потянув з запада*», засадный полк Владимира Андреевича выступил и Вольнец вскричал: «*Братия и Друзи! Сила бо Святаго Духа помогает нам!... Сынове же рускыя силою святаго духа бяху их и помощью святых мученикъ Борисом и Глебом, аки лес роняхуть их...*». Видимо, сила Владимира Серпуховского не только в том, что он послушен воле великого князя, но и послушен воле Провидения, и является вместе со своим засадным полком как бы орудием в руках Провидения на «нечестивого» Мамаю. Автор «Сказания» считает: дело освобождения родной земли от захватчиков угодно Богу, поэтому рисует битву не только как сцену батальную, но и как провиденциальную. Иргизский список показывает, что роль Владимира Серпуховского чрезвычайно важна, но не заслоняет значения Дмитрия Донского в тексте «Сказания» и в событиях противостояния русских войск и Мамаю в 1380г.

Библиографический список

1. № 108 (Инвентарный номер 306121) Списание Софоние Резанца похвала великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю. Сборник (XVI-XVIIвв.) (Л. 29-99). Отдел редкой книги Самарской областной универсальной научной библиотеки.
2. Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подг. Л.А. Дмитриев, О.П. Лихачева. Л., 1982.
3. Дмитриев Л.А. К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве / Изд. подг. М.Н. Тихомиров, В.Ф. Ржига, Л.А. Дмитриев. М., 1959.
4. Рудаков В.Н. «Дух южны» и «осьмой час» в «Сказании о Мамаевом побоище» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9 / Отв. ред. Е.Б. Рогачевская. М., 1998. С. 137 – 157.
5. Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV-XV вв. Новосибирск, 1991.
6. Тихомиров М.Н. Куликовская битва 1380г. // Повести о Куликовской битве / Изд. подг. М.Н. Тихомиров, В.Ф. Ржига, Л.А. Дмитриев. М., 1959.

ВЗГЛЯДЫ А.М. КОЛЛОНТАЙ НА СЕМЬЮ, БРАК И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПОЛАМИ

О. Алферова

5 курс, исторический факультет

Научный руководитель – проф. Н.Н. Кабытова

Первоначальная приверженность Коллонтай социализму не демонстрирует осознания ею особых потребностей женщин [1]. Ее внимание привлекла проблема феминизма как угроза социалистическому движению. Она выступала против женского движения, требуя, чтобы оно было заме-

нено классовой пролетарской солидарностью мужчин и женщин. Однако впоследствии она стала более критична к социалистической действительности, она потребовала, чтобы в партии были созданы отдельные женские организации, боролась за то, чтобы женские проблемы оставались на переднем плане.

Коллонтай стала первой в истории женщиной, возглавляющей отдел министерства в качестве комиссара (министра) государственного призрения, первой ее задачей была фактическая реализация равноправия. Она добивалась полной независимости равноправия в браке, легализации абортов, устранения понятия «незаконное рождение» как юридической категории и установления принципа равного вознаграждения за труд равной ценности. Она заложила фундамент для государственного обеспечения охраны здоровья матери и ребенка, добилась того, что руководство стало ориентироваться на принципы коллективного ведения домашнего хозяйства, воспитания детей и создания учреждений питания (от этих обещаний партии отказалась в начале 20-х годов).

Коллонтай считала, что положение женщины нельзя просто изменить государственным предписанием или улучшением обеспечения, необходима работа по воспитанию их самосознания. В женотделе стремились сочетать практическую помощь с теоретическими обсуждениями и критикой традиционных патриархальных взглядов. Смысл был в том, чтобы женщины сами участвовали в собственной эмансипации и чтобы они сами при поддержке государства организовывали ясли, прачечные, проводили образовательные кампании, которые их же и должны были освободить.

Так же предполагалось, что опыт участия в женских группах даст уверенность в отстаивании интересов для работы вместе с мужчинами в смешанных профсоюзных организациях.

Чаще всего Коллонтай вспоминают (и обычно неверно понимают) в связи с ее взглядами на сексуальность. Эти взгляды можно оценить лишь в более широком контексте ее представлений о коммунизме как о типе общества, где корыстная конкуренция и индивидуализм будут заменены «любовью-товариществом и солидарностью» [2]. Коммунизм — это еще и перемена самой природы мужчины и женщины.

Перемены были важны для подрыва власти мужчин над женщинами. Коллонтай пыталась распространить марксистскую теорию на нравственность, сексуальность и семью, не рассматривая их как простое отражение экономического базиса.

Коллонтай считала, что в капиталистическом обществе настоящая любовь не была возможна, так как секс и брак складывались только на экономическом подчинении, эмоциональном и психологическом неравенстве [1]. Поэтому требовалось перевоспитание психики женщины. Коллонтай была против истинной моногамии как идеальной формы половых от-

ношений (но она не проповедница случайных связей!!). Она не выступала в защиту неразборчивости в связях, но придерживалась мнения, что секс не грешен и не постыден, и может быть высшей точкой человеческой активности. Она также демонстрировала терпимость к сексуальному экспериментированию, которым характеризовались хаотичные послереволюционные годы, когда отвержение всех буржуазных ценностей приравнивалось некоторыми к пренебрежению всеми сексуальными ограничениями.

Коллонтай, хотя и считала такую невоздержанность простительной или даже неизбежной во время общественных потрясений, когда более серьезные отношения могли уцелеть. Она видела, что для женщин «сексуальное освобождение» слишком часто означало «свободу, равенство, материнство», и тоже возражала против низведения человеческой сексуальности до животной действительности.

Она убеждена в возможности единственной «великой любви» (и дозволенности других отношений, пока таковая не найдена). Но в 20-е годы она уже считала, что подобная страсть не должна иметь места в коммунистическом обществе. Коммунистическое общество должно быть основано на товариществе и солидарности, так что интимные отношения и эмоциональный комфорт не будут привязаны к семье либо к половым отношениям. Сексуальная любовь (эрос) станет частью возросшей человеческой способностью любить.

Библиографический список

1. Брайсон, В. Политическая теория феминизма / под ред. Т. Гурко. М.: Идея Пресс, 2001. – 139 с.
2. Коллонтай, А.М. Дорогу крылатому Эросу! (письмо к трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. М., 1923, № 3. 121 с.